

Рихтер С. Т.

21.06.79

МОСКОВСКИЙ ИНФОРМОЛЕЦ

г. МОСКВА
21 ИЮН 1979

лемы во вселенском масштабе. И здесь, конечно, рядом с Шубертом позднего периода вровень у пианиста становится масштабная, очень сложная по форме и необычайно насыщенная внутренне Соната № 9 Сергея Прокофьева. Последняя соната великого композитора, посвященная Святославу Рихтеру. Тоже в чем-то необычное, новое прочтение музыки, с которой пианист не расстаётся всю жизнь. Нет привычной уже прокофьевской особенной остроты. Смягчение, некоторая матовость звука еще сильнее обостряют восприятие и силу воздействия музыки.

Разный Прокофьев... И невозможно, в самом деле, сказать, что же тут у Рихтера сильнее. Разное — при огромной силе убедительности. Легенда и десять Мимолетностей из соч. 12, фрагменты из балета «Золушка»... Казалось бы, неожиданно: после таких сложных, контрастных, драматических и конфликтных полотен, как Шуберт или 9-я соната, — озорство, дерзость, даже каприз, изящество, игра, радость, свет! Но ведь это — не просто очаровательные сюжетные картинки из сказочной истории про любовь Золушки и Принца. Это — разные моменты жизни, настроений, игра света и чувства. И в конечном счете высокое торжество жизни, которое с такой великой искренностью и верой «заключил» Рихтер в знаменитом Вальсе из сцены бала... Это жизнь в ее сложном, остром процессе, в ее философском поступательном движении. Это и те мимолетности (условно говоря!), из которых, как из чуткой мозаики, строится столь многое, ведущее к полной картине бытия.

Философ Рихтер, потрясающий лирик Рихтер!

Спасибо ему, великое спасибо за радость познания мира, а не просто наслаждение музыкой...

Н. ЛАЗАРЕВА.

ТРИ СОЛЬНЫХ концерта следовали один за другим. Дважды Святослав Рихтер играл клавирабэнд из произведений Шуберта и Прокофьева, другую программу составили произведения Шуберта, Шумана и Дебюсси.

Когда говоришь о Рихтере, то менее всего пытаешься определить, насколько **свою** музыку он играет. В том-то и счастливая особенность его удивительного таланта, что все, что он выносит на концертную эстраду, становится — нет, уже окончательно стало! — его необходимой, выстраданной, собственной музыкой. Музыкой не просто высочайшего накала чувств, но гигантской концентрации мысли, где философское и лирико-драматическое неразделимы. «Мастерство — это когда «что» и «как» приходит одновременно», — говорил Вс. Мейерхольд. Эти слова целиком соотносимы с искусством Святослава Рихтера. И если говорить о его программах нынешнего концертного сезона, то, пожалуй, главное, основополагающее место в них занимали произведения Шуберта и Прокофьева.

Эти концерты были несколько непривычными. На сцене Большого зала консерватории стоял личный рояль Рихтера — инструмент фир-

И г р а л Р и х т е р!

мы «Ямаха», подаренный пианисту в Японии. Звук этого инструмента поначалу удивил — чуть тусклый, смягченный, обладающий какой-то очень своеобразной графичностью. Конечно, не случайно пианист обратился к нему. У него в исполнении не бывает случайного. Такой звук — определенная концепция музыканта в его решении музыки. Поэтому слушатели в некоторой степени встретили **нового** Рихтера, который, вероятно, специально выбрал звук, несколько приглушающий внешнюю форму произведения для еще более глубокого раскрытия формы и содержания. Это сложно, рискованно. Необыкновенно сложно и рискованно даже для такого мастера, как он. Но результат... Результат поразительный! Что особо выделить? Трудно. Шуберт, Соната си минор, соч. 147. В этом замечательном произведении в пронзительно-глубинном размышлении Рихтер словно

бы подчеркивает то, что в этом сочинении называют «божественными длиннотами Шуберта». Это внутренняя потребность, своя система мышления и чувства, которая захватывает властно. В каждой из частей... И, может быть, больше всего — в лирической стихии Анданте. «Бергамасская сюита» и прелюдии Дебюсси — произведения, очень популярные и совершенно заново открытые Рихтером. Не превосходная звукопись и живописность красок, не истинно французское изящество импрессионистской музыки, но прежде всего — возвышение ее до подлинной, высокой интернациональности, которую, в частности, именно в Дебюсси или Раवеле, как правило, исполнили и не стремятся искать... Даже короткий пейзаж или прелюдия «Остров радости» становятся у Рихтера островом мысли и очень сильного чувства, воспринимающего жизнь и ее проб-